

Ивакин Григорий Анатольевич

КОНСЕРВАТИВНО-ТРАДИЦИОНАЛИСТСКИЕ И ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ВЗГЛЯДЫ В ДИСКУССИИ ПО ВОПРОСУ ЦЕРКОВНЫХ РЕФОРМ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассматривается внутрицерковная дискуссия начала XX в. вокруг проблемы реформирования Русской Православной Церкви в контексте развития религиозной доктрины власти. Представлен анализ взглядов видных иерархов Церкви на вопросы избрания патриарха, реформы приходской жизни и др. Делаются выводы о тесной взаимосвязи попытки реформы церковного управления с проблемами реформирования светской власти в Российской империи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/7-1/16.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (33): в 2-х ч. Ч. I. С. 73-77. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье рассматривается внутрицерковная дискуссия начала XX в. вокруг проблемы реформирования Русской Православной Церкви в контексте развития религиозной доктрины власти. Представлен анализ взглядов видных иерархов Церкви на вопросы избрания патриарха, реформы приходской жизни и др. Делаются выводы о тесной взаимосвязи попытки реформы церковного управления с проблемами реформирования светской власти в Российской империи.

Ключевые слова и фразы: Православная Церковь; религиозная доктрина власти; религия; консерватизм; традиционализм.

Ивакин Григорий Анатольевич, к.и.н.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
ivakin@rane.ru*

**КОНСЕРВАТИВНО-ТРАДИЦИОНАЛИСТСКИЕ И ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ВЗГЛЯДЫ
В ДИСКУССИИ ПО ВОПРОСУ ЦЕРКОВНЫХ РЕФОРМ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА[©]**

На рубеже XIX-XX вв. Россия вступила в эпоху модернизационных трансформаций и связанных с ней социальных потрясений. Эти потрясения затронули абсолютно все сферы жизни общества. Русская Православная Церковь не стала исключением. С начала 1900-х гг. отечественные мыслители, политические и религиозные деятели начали активный поиск путей реформирования института Церкви и изменения ее роли в жизни социума. Особенно важно в этой связи иметь в виду, что, как отмечалось в Материалах о канонизации царской семьи, правящий тогда император Николай II «предпринял попытку привнести в государственную жизнь России идеалы православного мировоззрения» [Цит. по: 14, с. 9]. Центральным вопросом грядущей реформы Церкви стали ее отношения с самодержавной монархией.

Таким образом, представляется крайне актуальным проведение анализа внутрицерковной дискуссии в рассматриваемый период в связи с процессом развития религиозной доктрины власти, базирующейся на понимании богоустановленности самодержавной власти в России. Статья направлена на рассмотрение рефлексии церковным сообществом, оказавшимся вследствие социально-политических изменений перед необходимостью выбора путей своего существования, связанного или с продолжением безоговорочного следования в русле правительственной политики, или с изменением этой более чем двухсотлетней традиции.

Трагическое и неожиданное поражение в русско-японской войне 1904-1905 гг. глубоко потрясло страну. Чтобы сохранить пошатнувшуюся власть, Николай II форсировал проведение ранее уже намеченных реформ. В сложных условиях общенационального кризиса Император был вынужден пойти на осуществление мер, предложенных председателем Совета министров графом С. Ю. Витте. Митрополит Антоний, председатель Святейшего Синода, решительно поддержал идею графа С. Ю. Витте реформировать взаимоотношения между Церковью и самодержавием.

Для скорейшего проведения необходимых реформ митрополит представил министру памятную записку о всех недостатках существующей системы; в ней он предлагал ослабить государственный контроль над Церковью, указывая, что вмешательство светской власти лишь затрудняет Церкви выполнение ее миссии. Не лучше ли, писал он, предоставить Церкви самой разбираться в своих делах и, тем самым, увеличить свою жизненность? Кроме этого Антоний предлагал созвать Поместный собор Русской Православной Церкви [9, с. 9-10].

С. Ю. Витте использовал записку в своем докладе «Современное положение Православной Церкви» Совету министров. В докладе говорилось о том, что лишь обращение к каноническим формам управления может восстановить авторитет Церкви среди населения Империи [4]. Таким образом, С. Ю. Витте фактически настаивал, что установленный Петром I государственный надзор над Церковью не соответствует сущности Православия, а потому наносит вред не только самой Церкви, но и власти, которая в тот исторический момент остро нуждалась в поддержке признанной народом Церкви.

Обсуждение предложения графа С. Ю. Витте было назначено на 17 марта 1905 г., но в последний момент оно было отменено благодаря вмешательству К. П. Победоносцева, обер-прокурора Синода с 1880 по 1905 гг. Человек ясного ума и религиозной одаренности, друг Ф. М. Достоевского и доверенное лицо двух монархов [7, с. 80], К. П. Победоносцев, несмотря на ум и усердие, был одним из тех, кто подготовил падение самодержавного строя. К. П. Победоносцев был противником восстановления Патриаршества.

Обер-прокурор выступил с резкой критикой проекта С. Ю. Витте и приложил максимум усилий, чтобы убедить императора в несвоевременности подобных предложений. К. П. Победоносцев настаивал на сохранении сложившегося статус-кво в государственно-конфессиональных отношениях и сумел убедить Николая II в своей точке зрения.

Для понимания отношения обер-прокурора к членам Синода, высшим церковным иерархам, весьма характерен следующий случай. Однажды один из почитателей К. П. Победоносцева выразил восхищение единодушием епископов на сессиях Синода под его председательством. Обер-прокурор презрительно ответил: «Они нарушают единство своими подписями: у каждого из них разный почерк» [1, с. 126].

В соответствии с повелением Императора, для обсуждения проекта церковных реформ заседание Синода было назначено на 22 марта 1905 г. Исход заседания оставался, однако, непредсказуемым, ибо Император не единожды изменял свои решения под натиском обер-прокурора.

Как часто нам демонстрирует история, случайность вносит свои коррективы в казалось бы predetermined ситуации. Накануне заседания К. П. Победоносцев заболел, и вместо него присутствовал его заместитель В. К. Саблер. В результате священнослужители, среди которых В. К. Саблер не пользовался таким авторитетом как К. П. Победоносцев, выступили с обращением к Николаю II с просьбой о созыве Церковного Собора.

Император, как часто случалось с ним, вновь изменил свое мнение и пошел на уступки церковным иерархам, дав согласие на созыв Собора, но не определив его точную дату.

В своем ответе Николай II сказал: «Мне кажется, что выполнение такой огромной работы, как созыв Собора, невозможно в данный трудный период, через который мы проходим. Эта задача требует спокойного и разумного подхода. Поэтому я предлагаю, когда наступит подходящий момент, приступить к осуществлению этого великого задания по примеру православных императоров древности и созвать согласно с канонами Собор всей Русской Церкви для разрешения всех проблем церковного управления» [15].

Обещание Императора открывало, казалось, перспективу скорого освобождения Церкви, а точнее церковного управления, от административных пут светских властей. Казалось, Николай II встал на путь разрыва с петровской системой. В обществе было известно и особо почтительное отношение Императора к царю Алексею Михайловичу и его критическое отношение к «лютеранству» Петра I.

Начавшееся движение на пути реформирования Церкви не могло не отразиться в общественном мнении страны. Эту тему активно подхватили газеты и с марта 1905 г. до конца 1906 г. обсуждали ее по всей стране. Стали появляться статьи и книги, в которых обсуждались вопросы грядущей церковной реформы.

В большинстве публикаций того времени перспектива восстановления патриаршества и других церковных преобразований оценивалась положительно, но нашлись и те, кто указывал на негативные последствия этих реформ. Один из радикально настроенных епископов, Антонин Нарвский, начал свою статью, напечатанную в марте 1905 г., следующими словами: «Открывается монументальный вход в палату государственного разума, и приближается к ней колыхающееся шествие разновременных процессий. И ждут православные с тревогой: ужели апостол Павел пройдет по-прежнему прикованным к руке центуриона?» [5].

Церковные реформы нашли так много сторонников в обществе, что консервативные силы не решились публично выступить против идеи Собора. Правые были вынуждены ограничиться напоминанием, что главной задачей Церкви в период, когда страна находится в состоянии войны и революционных потрясений, является поддержка государства, а не решение своих внутренних проблем.

Выше было сказано о том единстве, которое возникло вокруг идеи реформы Церкви. Но следует отметить, что способы ее проведения не вызвали столь же очевидного единодушия. В церковной среде сформировались две «фракции» по данному вопросу. Первая выступала за возвращение допетровских порядков, вторая – требовала более кардинальных изменений: восстановления системы соборного управления.

Острая дискуссия возникла по вопросу восстановления патриаршества: одни считали это позитивным шагом, другие же полагали, что государственное управление Церковью следует сохранить, полагая, что Патриарх станет таким же авторитаристом как обер-прокурор вроде К. П. Победоносцева.

Проблемной была тема епископства. Дело в том, что епископы назначались государством, а потому, по мнению части духовенства, они не могли выступать от имени Церкви.

«Церковные либералы» настаивали на том, что епископы должны избираться народом, а сам Собор должен состоять из представителей духовенства и паствы.

Эти демократические принципы выдвинули выдающиеся церковные деятели, и их поддержали профессора всех четырех духовных академий. Вопрос был сложен, имея свою историю. Всплыли в связи с этим в памяти и старые разработки. Еще раньше профессор В. В. Болотов (1854-1900), крупнейший русский специалист по церковной истории, высказал похожую точку зрения, напомнив, что «канон» с позиции Церкви означает полное соответствие церковной практике последних веков существования Византийской империи.

При этом, по его мнению, указанная эпоха была не самой благоприятной в истории Православной Церкви. В. В. Болотов называл ошибкой желание восстановить канонический порядок далекого прошлого. Только те реформы, писал он, которые соответствуют нуждам нашего времени и могут улучшить современную церковную жизнь, должны считаться подлинно каноническими, даже если у них нет прецедентов в прошлом [7, с. 85]. История Церкви должна служить полезным источником информации, но никак не сводом законов (статьи В. В. Болотова опубликовали Церковные ведомости (см.: [2; 3])).

Пока предстоящие реформы обсуждались в светской и церковной прессе, Синод действовал с необычайной быстротой. Епископам всех епархий разослали анкеты, на которые они должны были ответить к январю следующего года. После двухсотлетнего принудительного молчания епископат с горячностью ухватился за возможность свободно выразить свое мнение. Тщательно составленные ответы в 1906 г. были напечатаны в четырех томах. Несколько епископов не ограничились собственными ответами и собрали епархиальные совещания, в которых приняли участие духовенство и миряне [6, с. 6].

Анкета включала широкий круг вопросов – от вопроса о составе будущего Собора до проблем, связанных с деятельностью рядовых приходов и миссионерской работы. Важно указать на тот факт, что анкета не содержала основного вопроса – восстановления в России Патриаршества.

Ответы церковных иерархов оказались, по меньшей мере, неординарными для того времени. Особенно ярко в них выразилось неповиновение государственной власти, заключавшееся в понимании своего внутрицерковного нелегитимного положения: по их мнению, епископат должен был полностью перейти в ведение Церкви.

Приведем мнение одного из видных историков Церкви Н. М. Зернова о действиях духовенства в этот период: традиционная православная точка зрения на Церковь, как на независимое общество, вдохновляемое и управляемое Духом Святым, настолько глубоко укоренилось в России, что даже двухсотлетнее подчинение игу государства не могло ее искоренить. Слово «соборный», используемое в славянской версии символа веры, в переводе греческого слова «католон», выражает идею Церкви, призывающей своих членов к сотрудничеству во взаимной любви и к участию каждого в жизни Церкви. Соборность несовместима ни с бюрократическим, ни с авторитарным управлением [7, с. 86-87].

Настроения церковных иерархов демонстрирует тот факт, что подавляющее их большинство полагало, что Церковь должна строиться именно на соборных началах. Лишь два видных иерарха из шестидесяти двух, епископы Тульский и Туркестанский, высказались за сохранение существующего порядка.

Разногласия вызвала проблема, касающаяся формы созыва грядущего Собора, а именно вопроса об участии в нем мирян. Так, в своем ответе Гурий, епископ Новгородский, писал: «Широкое участие мирян в работе Собора определяется его основной задачей восстановления управления Русской Церкви на единственном каноническом принципе соборности. А восстановление соборности недостижимо без тесного сотрудничества с мирянами» [11, с. 180].

Епископ Арсений Псковский заявлял: «Все верные составляют тело Церкви в своих посланиях восточные патриархи учат нас, что духовенство без мирян может представлять Церковь не более, чем миряне без духовенства. В ранней Церкви миряне были живой силой, гармонично объединенной с иерархией. Их единство выражалось через обоюдное участие в соборах. Церковь пребывает в епископах, священниках и верующих, так как среди нас, православных, ни патриарх, ни Собор не могут вводить никаких изменений, потому что хранителем истины и всего тела Церкви является весь народ» [7, с. 87].

Того же мнения придерживался епископ Архангельский: «Только Собор епископов, священников и мирян станет братством всех православных русских христиан. Только в этом случае дух любви и единства будет царить на его сессиях, и Собор стяжает духовный авторитет» [10, с. 108].

Еще категоричнее выразился епископ Владимирский: «Собор без мирян только отвратит их от Церкви и принесет более вреда, чем пользы» [Там же, с. 21].

Три митрополита – С. Петербургский, Московский и Киевский – также выступили за участие мирян в Соборе. Митрополит С. Петербургский к своему ответу приложил меморандум профессора П. Н. Жуковича, где напоминалось, что до петровских реформ миряне играли значительную роль в церковном управлении в ходе полемики. Однако только шесть епископов соглашались дать мирянам полное право голоса. Большинство предпочитало ограничить их участие совещательной функцией и общим одобрением соборных решений [12, с. 108].

Дискуссия развернулась и вокруг вопроса обустройства внутрицерковной жизни. Например, некоторые священнослужители выступали с идеей постоянного прикрепления епископа к его епархии. Один из них писал: «Мы должны сделать все, чтобы приход сделался живой общиной, братством, активным организмом, члены которого были бы тесно спаяны между собой. Только будучи сплоченными, прихожане смогут строить свою личную и общественную жизнь на христианских принципах» [11, с. 413].

Некоторые иерархи полагали, что реформа сначала должна быть проведена снизу и лишь затем быть реализована на высшем уровне церковного управления. «Принцип соборности, который станет основой восстановления Церкви, сперва должен быть применен в приходах», настаивал епископ Орловский Кирион [10, с. 520].

Вообще проблема приходской жизни может быть обозначена как одна из важнейших и наиболее обсуждаемых в период подготовки Собора. В частности, епископ Антоний Волынский заявлял, что болезнь русского прихода может быть сравнима со страданиями тифозного больного [Там же, с. 203].

Многие участники дискуссии обращали внимание на то, что в проблемах прихода во многом виновно крепостное право, которое скомпрометировало духовенство в глазах паствы. Константин, епископ Самарский писал: «Псевдо-апостольский метод поддержки духовенства приносит вред, так как священник предстает перед паствой как эксплуататор, порождающий антагонизм. Духовенство пытается извлечь из мирян как можно больше, а миряне — давать как можно меньше». Иннокентий Тамбовский утверждал, что необходимость платы за таинство затемняет для мирян его значение [Там же, с. 422].

Все же в части отношений священнослужителей и мирян мнения епископов «свидетельствуют о неготовности прихожан взять на себя ответственность за свой приход и в смысле избрания священно- и церковнослужителей, и в смысле их последующего содержания» [13, с. 80]. Что в свою очередь обращало внимание епископов на необходимость преодоления разрыва в отношениях между священнослужителем и его паствой.

Так, епископы предлагали «освободить приходского священника от различного рода полицейских обязанностей, вытравить из его души чувства покорности и раболепия, укоренившиеся за долгие столетия рабства» (епископ Симбирский Гурий) [12, с. 380]. Того же мнения придерживались епископы Казанский и Смоленский, они требовали освободить священников от обязанности снабжать губернские канцелярии сведениями, не имевшими ничего общего с пастырским служением. Епископ пермский протестовал против предварительной цензуры проповедей, вынуждавшей многих священников отказываться проповедовать, несколько епископов (семнадцать из шестидесяти двух) выступили за восстановление избирательной системы

при назначении духовенства. Однако другие протестовали, считая, что подобной крутой реформе должны предшествовать постепенные изменения в образовательной системе духовенства [10, с. 203].

Многих епископов волновал вопрос духовного образования. Они полагали, что духовное образование должны получать лишь те, кто к нему действительно стремится. Напомним, что в тот период сыновья священников автоматически получали духовное образование, не всегда желая этого. Таким образом, это предложение может рассматриваться как еще одно свидетельство либеральных стремлений в среде высшего духовенства Православной Церкви.

Как отмечает Н. М. Зернов, Антоний Волынский, хорошо знакомый со всеми четырьмя академиями вначале как профессор, а позднее как ректор, выступил с наиболее резкой критикой. Он считал, что семинарии и академии положительно вредны, так как скопированы со школ западных еретиков. Он ссылаясь на другого епископа, считавшего, что лучший выход — изгнать всех преподавателей и студентов из этих псевдоцерковных заведений, уничтожить до основания даже их здания и создать новые богословские школы для людей, вдохновленных истинно православным духом. Владимир Екатеринбургский полагал, что надо перевести семинарии из больших городов в тишину монастырского уединения [7, с. 90-91].

В качестве промежуточного итога рассмотрения мнений высших церковных иерархов можно указать на те основные факторы, которые, по их мнению, препятствовали пастырскому служению: некачественная подготовка в духовных училищах и академиях и бедность приходского духовенства.

Нельзя не упомянуть об обсуждении вопроса о безбрачии духовенства. Так, обязательным считалось безбрачие епископов, а также существовали значительные ограничения в этом вопросе для священников и дьяконов. Епископ Владимир Кишиневский стоял за епископство без обязательного наложения монашеского обета [10, с. 399]. Архиепископ Финляндский Сергей и епископ Архангельский считали возможным вторичный брак для дьяконов и священников-вдовцов [12, с. 444].

Отдельной важной темой дискуссии высших церковных иерархов, во многом определенной бурными событиями отечественной истории начала XX века, стал вопрос о возможности участия духовенства в общественно-политической жизни страны.

Митрополит Минский привел длинный список примеров из русской истории, показывающих какую значительную роль играло духовенство в России до петровских реформ. Он выразил недовольство законами (1892 г.) о земстве и городских выборах, которые лишили духовенство активных и пассивных прав, ранее гарантированных ему более либеральными законодательными актами 1864 и 1870 гг. [7, с. 91].

Протоиерей И. Мейендорф отмечал, что среди русского духовенства предреволюционных лет имела место глубокая неудовлетворенность положением «социальных отверженцев», что нашло выражение в отзывах архиереев [8]. По мнению большинства епископов, духовенство должно принять участие в общественно-политической жизни как свидетельствующим благовестие Христово. Священнослужители не могут подвергаться поражению в политических правах в части избрания в представительные органы власти на всех уровнях от высшего до земского [10, с. 111]. Участие представителей Церкви в законодательной работе представительных органов власти позволит им сказать свое слово при обсуждении не только конфессиональных вопросов, но и острых социальных проблем, связанных с образованием и обеспечением малоимущих слоев населения [11, с. 203, 489].

Другая важная проблема, как отмечает Н. М. Зернов, заключалась в необходимости улучшить церковную службу. Не многих волновало, что чтение Священного писания становится непонятным, когда бас дьякона наполнял храм, а звучный церковно-славянский язык, предпочитаемый прозаическому разговорному русскому, часто шел в ущерб смыслу молитв. Часами простаивают верующие, слушая хор и мало обращая внимания на слова песнопений. Многие епископы видели эту опасную склонность и откровенно подчеркивали недостатки церковных служб [7, с. 92].

В обсуждении проблем церковной жизни и службы не была проигнорирована и становившаяся все более актуальной проблема языка богослужения. В начале XX века церковно-славянский язык, на котором еще в IX веке были изложены священные тексты, был непонятен подавляющему большинству населения.

Несмотря на то, что среди иерархов присутствовали те, кто ревностно относился к перспективам изменения языка богослужения, и те, кто требовал радикальных его изменений в сторону использования современной речи, все же большинство склонялось к умеренной позиции, выраженной будущим Патриархом Тихоном: «Для Русской Церкви важно иметь новый славянский перевод богослужебных книг (теперешний устарел и во многих местах неправильный), чем можно будет предупредить требование иных служить на русском обиходном языке» [10, с. 537]. Таким образом, по этому вопросу позиция иерархов может быть охарактеризована как умеренно-консервативная, они остерегались резких изменений в церковной службе и языке богослужения.

Хотя намеченные в ходе дискуссии преобразования так и не были проведены в жизнь, их активное обсуждение вызвало настолько серьезный резонанс в обществе, что в результате 27 декабря 1905 г. Николай II выпустил специальный указ, уполномочивший трех митрополитов все же подготовить созыв Собора, а Синод — учредить так называемое Предсоборное Присутствие с целью выработки повестки дня будущего Собора.

Подводя итоги, можно сделать вывод, о том, что в своих интереснейших и содержательных отзывах архиереи коснулись всех принципиальных для Церкви на тот исторический период вопросов. Представители высшей церковной иерархии фактически единодушно высказали мнение о необходимости реформ основной имперской конфессии. Разумеется, как отмечает С. Л. Фирсов, «разногласия сохранялись», а на многие вопросы «архиереи смотрели с противоположных позиций» [14, с. 215].

Необходимость созыва Поместного Собора, учреждение патриаршества и необходимость апелляции по этим вопросам к высшей государственной власти в лице монарха – вот те моменты, в которых иерархи достигли принципиального согласия. А ведь именно это и было корневой основой назревших реформ. Остальные же вопросы носили сопутствующий, второстепенный характер.

В качестве выводов следует отметить, что внутрицерковная дискуссия развивалась в рамках традиционного понимания Церковью своей роли в реализации религиозной доктрины власти. Церковь стремилась не только сохранить, но и усилить свое влияние на светское государство, выйдя из-под его подчинения. Как представляется, именно с этим связано дальнейшее неудачное развитие церковной реформы, столкнувшейся с либерально-демократическими тенденциями развития политического процесса, особенно после революционных событий 1905 г.

Важной тенденцией, выявившейся в ходе обсуждения проблем Церкви, стало очевидное стремление духовенства к участию в политической жизни страны. Уже через несколько месяцев после окончания дискуссии эта тенденция нашла свое практическое выражение в участии священнослужителей в выборах в Государственную Думу.

Следует отметить, что сегодня Церковь стоит перед похожей дилеммой, связанной с определением своей роли в общественно-политической жизни страны. Но хотя существует тенденция к активизации участия Церкви в государственной политике, все же очевидно, что церковное руководство стремится сохранить баланс между влиянием на общество и сохранением своей автономии.

Тем не менее, именно в этот период были заложены основы будущей церковной реформы, произошедшей уже после Октябрьской революции, когда Церкви удалось добиться автономного по отношению к государству положения и вернуться к патриаршему управлению.

Таким образом, мы можем говорить о том, что в лоне Русской Православной Церкви начала XX столетия сформировалось осознание и, что еще более важно, концептуальное единодушие по вопросу церковной реформы и ее содержания.

Список литературы

1. **Бенедиктов Н. А.** Русские святые. М.: Алгоритм, 2003. 272 с.
2. **Болотов В. В.** Епархии в древней церкви // Церковные Ведомости. 1906. № 3. С. 99-105.
3. **Болотов В. В.** Хорепископы и периодевты // Церковные Ведомости. 1906. № 4. С. 149-154.
4. **Витте С. Ю.** О современном положении Православной Церкви // Православная община. 1998. № 43. С. 64-75.
5. **Грановский А.** На заре // Новое время. 1905. 20 марта.
6. **Зернов Н.** Реформы Русской Церкви и дореволюционный епископат // Путь. 1934. № 45. С. 3-15.
7. **Зернов Н.** Русское религиозное возрождение XX в. Париж: YMCA-PRESS, 1974. 382 с.
8. **Мейендорф И.** Русский епископат и церковная реформа (1905 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pravmir.ru/library/readbook/1178> (дата обращения: 15.01.2013).
9. **Митрофанов Г., прот.** История Русской Православной Церкви 1900-1927. СПб.: Сатис, 2002. 443 с.
10. **Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе:** в 4-х т. СПб.: Типогр. Св. Синода, 1906. Т. I. 548 с.
11. **Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе:** в 4-х т. СПб.: Типогр. Св. Синода, 1906. Т. II. 562 с.
12. **Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе:** в 4-х т. СПб.: Типогр. Св. Синода, 1906. Т. III. 591 с.
13. **Степанова Е.** Клир и миряне на приходе РПЦ в начале XX века (по материалам «Отзывов епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе») // Свет Христов просвещает всех: альманах Свято-Филаретовского института М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2010. Вып. 2. С. 69-81.
14. **Фирсов С. Л.** Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 г.). М.: Духовная библиотека, 2002. 624 с.
15. **Церковные ведомости.** 1905. 2 апреля.

CONSERVATIVE-TRADITIONALIST AND LIBERAL VIEWS IN DEBATE ON CHURCH REFORM AT THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY

Ivakin Grigorii Anatol'evich, Ph. D. in History

*Russian Academy of National Economy and State Service under the Russian Federation President
ivakin@rane.ru*

The author considers the intra-Church debate of the beginning of the XXth century around the problem of reforming the Russian Orthodox Church in the context of the development of the religious doctrine of power, presents the analysis of prominent Church bishops' views on the questions of the Patriarch election, the reforms of parish life, etc., and comes to the conclusion about the close relationship of Church government reformation attempt with the problems of reforming secular power in the Russian Empire.

Key words and phrases: Orthodox Church; religious doctrine of power; religion; conservatism; traditionalism.